

— Кто позволил тебе трогать мои вещи? — ледяным тоном спросил Вэйиньсы, обращаясь к Сэну.

Сэн на мгновение замер, явно не понимая, что именно вызвало недовольство. Одежда? Но не ходить же ему голышом. Уборка? Но он ничего не выбросил, так что злиться вроде бы не за что. Может, дело в магическом замке? Но без резонанса вход в дом невозможен. Или продукты в банках? Неужели они такие ценные? Древесная магия позволяет выращивать их в изобилии, вряд ли это можно назвать дефицитом.

Сэн вдруг хлопнул себя по ладони, словно озарившись:

— Тебе не нравится рагу?

— Ты! — голос Вэйиньсы взлетел на октаву выше. Его поразила непробиваемая тупость Сэна, однако этот гнев парадоксальным образом помог унять смятение в душе. И правда, этот человек невероятно раздражает!

Сэн не стал продолжать спор. Напевая себе под нос, он спокойно наложил порцию еды, без тени смущения уселся за стол и принялся за трапезу, время от времени поглядывая на Вэйиньсы с немым вопросом: неужели ты правда не будешь?

Глядя на то, как Сэн ведет себя так, будто ничего не произошло, Вэйиньсы почувствовал, как в горле встал ком. Невыразимая ярость захлестнула его — словно он изо всех сил ударил кулаком, но попал в мягкую вату.

Нынешнее поведение Сэна ранило его сильнее, чем если бы тот начал яростно спорить.

Вэйиньсы осознал: его месть выглядит как жалкая шутка. Он из кожи вон лез, чтобы причинить боль, доказать свою независимость и силу, разорвать все связи, но Сэн просто не принимал правил игры.

Он продолжал действовать по своей привычной схеме, полностью игнорируя любые требования Вэйиньсы и распоряжаясь всем в его доме по своему усмотрению.

— Перестань есть! — прорычал Вэйиньсы.

Сэн остановился, поднял голову и посмотрел на него с легким недоумением, словно спрашивая: почему?

— Проваливай! — Вэйиньсы, сверкая глазами, указал пальцем на дверь и прорычал сквозь зубы: — Немедленно убирайся из моего дома! Исчезни из моей жизни! Я не хочу тебя видеть!

Сэн опустил голову, продолжая есть, даже налил себе воды и твердо произнес:

— Я не уйду.

— Чего ты от меня хочешь?! — терпение Вэйиньсы лопнуло. Он шагнул вперед и взмахом руки смахнул со стола и свою миску, и ту, что приготовил для него Сэн. — Я сказал, что не хочу тебя видеть! Ты по-русски понимаешь или нет?!

Сэн посмотрел на рассыпанную по полу еду, слегка приподнял бровь и, взглянув на Вэйиньсы, холодно ответил:

— Кажется, я уже говорил: не смей переводить продукты.

Вэйиньсы вздрогнул от этого тона. Прости... — инстинктивный страх перед наставником заставил его потянуться к извинениям, но он вовремя взял себя в руки. Глубоко вдохнув, он почти взревел: — Зачем?! Тебе доставляет удовольствие смотреть на мои страдания? Тебе так нравится меня контролировать?

Под этот рев Сэн поднялся, наклонился, чтобы собрать посуду, и щелкнул пальцами — вспыхнувшее пламя мгновенно превратило остатки еды в пепел.

— Нет, — тихо ответил Сэн, возвращаясь к своему обычному мягкому тону. — Я хочу тебя защитить.

— Защитить? Ха-ха, защитить?! Ха-ха-ха-ха! — Вэйиньсы расхохотался, словно услышал самую нелепую шутку в жизни. — Мне не нужна твоя защита! Она не была нужна мне шесть лет назад, а сейчас — тем более! В Горле Миража мне живется прекрасно, и без тебя даже лучше!

— Нет, не лучше, — Сэн покачал головой, поставил миску в раковину и повернулся к нему с выражением глубокой боли на лице. — Ты сильно похудел, на твоём теле полно шрамов, а магия течет неровно. Здесь плохой воздух, слишком много пыли, а солнце печет невыносимо — это место не подходит для жизни. К тому же, я чувствую, как ты встревожен.

Он говорил так серьезно, словно констатировал неоспоримый факт.

Вэйиньсы смотрел на него и чувствовал невыносимую усталость: этот человек даже не осознавал, что именно он — причина его тревоги.

Между ними пролегла непреодолимая пропасть. Хотя они говорили на одном языке, их ценности были разными, а понимание одних и тех же вещей — диаметрально противоположным.

Вэйиньсы понял, что никогда не сможет донести до Сэна простую истину: ему нужна не защита, а свобода. А Сэн, в свою очередь, не понимал, что его опека — это отрицание самого факта взросления Вэйиньсы.

— Делай что хочешь, — в конце концов сдался Вэйиньсы и направился к выходу. — Хочешь остаться — оставайся. Но не жди от меня доброго слова! Я не гарантирую, что ничего тебе не сделаю, так что спи в оба глаза! И не смей больше трогать мои вещи!

Бросив эту угрозу, он вышел за дверь, словно все происходящее в доме больше не имело к нему никакого отношения.

Сэн смотрел на его удаляющуюся спину, и его улыбка стала еще заметнее. Он прикрыл ладонью уголки губ, которые никак не мог удержать, а в золотистых глазах плескалось торжество.

— Хм-хм, угрожает мне, какой же ты милый, Вэйиньсы.

Сэн с улыбкой направился к раковине, чтобы закончить уборку. Он по-прежнему не понимал, почему Вэйиньсы так отчаянно сопротивляется его заботе, но его это не волновало. Отношение Вэйиньсы никак не влияло на его планы.

Подобно дереву в лесу, которое не перестает расти из-за ветра и дождя, он не прекратит оберегать Вэйиньсы, несмотря на все протесты.

Выйдя из дома, Вэйиньсы не пошел, как обычно, к Северным воротам искать искателей приключений и не направился в свою лавку на Центральной улице. Он бесцельно бродил по улицам Горла Миража, терзаемый внутренним беспокойством.

Спокойствие и упрямство Сэна, словно стальные тиски, сжимали его сердце, не давая дышать. Ему срочно нужно было отвлечься.

Он надеялся, что события позавчерашнего вечера хотя бы заставят Сэна отступить или проявить хоть какие-то настоящие чувства — пусть даже гнев. Но нет.

Сэн оставался прежним: упрямым, самовлюбленным, с этой омерзительной фальшивой улыбкой на лице, пытаясь вернуть его под свое крыло.

Незаметно наступил полдень. Палящее солнце вызывало дискомфорт, и слова Сэна о том, что это место не подходит для жизни, некстати всплыли в памяти, лишь усиливая раздражение.

Вэйиньсы решил спрятаться от зноя в первом попавшемся кабаке. Из-за раннего времени посетителей почти не было. Он сел в самом дальнем углу, заказал самый крепкий напиток и залпом осушил бокал.

Обжигающая жидкость опалила горло. Он надеялся, что алкоголь поможет забыться, но острота вкуса лишь напомнила о том, что происходило в доме после прихода Сэна.

В беспамятстве Сэн подчинялся почти всем приказам, кроме тех, что запрещали называть его имя. Он был покорным, не шумел, и даже когда его наказывали, он молча подставлял самые уязвимые места, вызывая странное желание причинить ему еще больше боли. В таком состоянии Сэн казался куда более живым, чем обычно: он плакал, ластился, издавал звуки, совершенно не вяжущиеся с его образом, и даже эта фальшивая улыбка исчезала с его лица.

Но даже тогда, когда Вэйиньсы задавал вопросы, мучившие его десять с лишним лет, Сэн молчал, лишь повторяя одно и то же: Вэйиньсы, не уходи. В этом состоянии он казался таким хрупким, словно брошенный звереныш. Если бы Вэйиньсы не вырос рядом с ним и не знал, что Сэн — его наставник, он бы решил, что тот такой же ребенок, как и он сам.

Вспоминая свое детство рядом с Сэном, Вэйиньсы снова подумал о той нескрываемой радости на лице наставника при их первой встрече, а потом о том, как Сэн готовил ему завтрак. В душе снова поднялась волна противоречивых чувств.

Он ненавидел его, винил во всем, но не мог от него избавиться.

Видя его раны, он чувствовал необъяснимую жалость. А видя его истинное лицо — странную тягу обладать им.

Это чувство вызывало у Вэйиньсы отвращение и ужас.

Он больше не хотел испытывать к Сэну ничего, кроме ненависти, и уж тем более не желал признавать наличие других чувств.

Иначе все его страдания, боль и унижения, через которые он прошел за эти шесть лет, теряли всякий смысл.

Вэйиньсы заказал еще один бокал, и только собрался выпить, как за спиной раздался знакомый голос.

<http://bllate.org/book/22458/2361951>